

Касымхан
Бегманов

КАК РЕКА, РВУСЬ ИЗ РУСЛА И ВСЁ ЖЕ ВЕРНУСЬ...

* * *

Колдовской была вся в дождях весна
И меня с собой забрала она.
Добывал хлеб и писал стихи.
Как забыть я мог эти времена!

Помню я ручья блеск и синеву.
Что в душе моей? Чем сейчас живу?
Вдруг в слезах проснусь, вижу в каждом сне
Матушку свою, словно наяву.

Детство и ручья льющаяся синь,
Все ушло с весной в глубину пустынь.
Дедовский кетмень, суховей в степи,
Знатный урожай выращенных дынь...

Что мне это все?
– Сгинь, кетмень, ржавей!
Вечная весна, будь в душе моей!
Дедовский чекмень пусть напомнит мне
Волшебство былых невозвратных дней.

* * *

Знаешь, нет у меня скакового коня,
Разве только уздечка... Но есть у меня
Стих свободный, трепещущий бурно в груди.
Мой народ возродился! Что шум и возня!

Здравствуй, шумная жизнь, я вступаю в борьбу!
Злые сплетни мою не изменят судьбу.

То зажгутся, то гаснут проспектов огни.
Там – кафе, рестораны... В угаре они.

Здесь все добрые люди – как родичи мне.
Победишь, коль не внемлешь пустой болтовне.
Мне оставила молодость множество дум,
Удалившись так тихо, растаяв во сне.

Вот звезда покатилась и вспыхнула мгла,
Вот под вьюгою яблоня стынет, гола.
Юность, юность, я вспомнил сейчас о тебе!
В полутьму этих улиц ты рано ушла.

* * *

Как река, рвусь из русла и все же вернусь.
Я слезой, что упала с ресниц, окажусь.

Внял я недругам, душу язвившим не раз:
На себя, словно вчуже, гляжу я сейчас.

Тело в муках.
Огарок я предков своих,
Прораставших из пепла пожарищ былых.

Неразлучны здесь песенный дар и нужда...
Вот на лица осенняя брызжет вода.

Негасимым огнем я объят, обуян –
С малых лет стал недугом моим Казахстан.

Дни и ночи тоски не бывали пусты.
О, не все доживали до дней суеты!

В то же русло я вновь, как бывало, вольюсь,
Я слезинкой с ресниц твоих малой сорвусь.

ТОСКА ПО БЕКЗАТУ САТТАРХАНОВУ

Как никто, ты предания родины чтил,
Слышать шелест зеленой листвы ты любил.
Как забыть – я ведь сын той же самой земли,
Где рожден ты, чтоб вечно сиять средь светил!

И в степи о тебе не умолкнет напев.
Навсегда ты остался в сердцах наших дев,

Что еще и сейчас слезы льют о тебе,
Не сумев приголубить, обнять не успеv.

Ты возвысил Алаш, и звучит все сильней
Песнь народной мечты в колыбели твоей.
Все-то чудится мне, что с улыбкой войдешь,
Что уже у моих появился дверей.

* * *

Будешь то ликовать, то грустить и рыдать,
Все же свыкнешься, сил понапрасну не трать!
И наступят какие-то дальние годы,
И с улыбкой ты будешь меня вспоминать.

Вместе влаги бегущей мы слушали шум,
Бурный трепет стремнины так внятен был двум.
А когда я стихи прочитал увлеченно,
Поглядела ты грустно, вся в мареве дум.

Лишь сочувствие, словно бы всплеском волны,
Изошло из душевной твоей глубины.
Я о матери молвил, мечтой поделился,
И слезами глаза твои стали полны.

Тот же звук нас качает, несет на волне.
Я, с тобой оказавшийся наедине,
Все поведал тебе о влюбленностях прежних.
Ты меня пожалела, ответила мне.
...Тот же звук нас качает, несет на волне.

ШАРДАРА, ШАРДАРА ...

О, крепость над морем, над зыбью песка,
Ты все зеленеешь, ты сердцу близка!
Но горько потомку – вместить в свою душу
Не смог я твой гомон в былые века.

Синеет вода, под ступнями бурля,
Как будто печаль о минувшем дея.
Здесь все поселение море накрыло.
Лишившись людей, сиротеет земля.

Волна за волною бегут напролом,
Душа одинока в унынье своем.
Остался аул под немолкнущим морем...
Что наши потомки узнают о нем?

А чаек, над палубой вьющихся, речь
Как будто бы силится предостеречь.
Коль древний аул глубина поглотила,
Завещано людям хоть море сберечь.

О, море, простимся! Хранимый судьбой,
Вернусь я к пучине твоей голубой,
А если не свидимся, что же – исчезну,
Как этот аул, что лежит под тобой.

ОТРАР В ОГНЕ

Горит Отрар, огня ужасна сила...
– Спасайтесь, люди! Город весь в дыму! –
Иль ласточка, чьи крылья опалило,
Тревогу прочиркала ему?

Бушует буря черная и яро
До облачной взметнулась вышины,
И в пепелище улицы Отрара
В одно мгновенье все превращены.

Никто не видел пролетевшей птицы,
А уж таков невиданный пожар,
Что кажется, устал в степи томиться
И пеплом в небо улетел Отрар.

Как будто тело стало вдруг безглаво!
Трещит в огне и воет саксаул...
Сожжен мудрец, чья не померкнет слава,
И юноша, что в жизнь едва шагнул.

Что уцелело? Пепел на дороге...
Какой-то цветик свеж и нежно бел...
Еще свисают с виселицы ноги
Акына, что врагу проклятья пел.

Все, что сражались до конца, сгорели,
Как сохляя польнь, и лишь домбра,
Что уцелела в огненной метели,
В наставшей тьме рыдает до утра.

Верблюд упал, земля уж не воспрянет,
И медленная, бледная заря
Во глубину тысячелетья канет,
Оттуда слабым огоньком горя.

И Каратау на холмах спаленных
Надолго скрыт завесой темноты,
И там, где прежде был приют влюбленных,
Невянущие вырастут цветы.

Отравлен мир, неизцелима рана...
О, город мой, что цвел благоуханно
И стал золой! Ты – в сердце, ты – внутри!
Не угасай же, вечно в нем гори!

ДОРОГИ

Дороги из города вышли, и тут
Все в разные стороны дальше пойдут.
Я знаю: направо – погасший очаг,
Налево – еще неизведанный путь.
Теперь и посмотрим, куда повернуть.

– Судьба, в эту сторону тянешь иль в ту?
О ливне весеннем лелею мечту.
– Тебя я оставил, мой нежный цветок,
Бродил по степям я и по городам,
И все же забвенью тебя не отдам!

Блуждая, как волк, что в чащобе повыл,
Я счастье чужое, должно быть, добыл.
Но тот, кто дорогу такую избрал,
Тот без вести канет, сорвется в провал.

Плакучая ива склоняется там,
Опасные тропы закрывшая нам.
И тот, кто пошел по такому пути,
Ногтями лицо себе будет скрести!

И станет твоей несчастливой судьбой
Твой сын, что послушно пойдет за тобой.
– Мой брат, на ошибочный путь не вступи,
Иль ждет тебя гибель в безводной степи!

Здесь – давнего детства весенний рассвет,
Там холм – за него удалился мой дед.
И все миновало, скрываясь в пыли.
Следов не оставили те, что прошли.

Ограблены все караваны подряд.
Заглохла дорога, как все говорят.

Травой поросла и раскисла в воде,
Всем сделалась чуждой... Опомнись, мой брат!

И где же дорога утрат и пропаж,
Бывало, вводившая прямо в мираж?
Нет тех стариков, что могли остеречь,
Которым поверишь, кого не предашь.

Тот путь – в сумрак ночи из ясного дня,
А этот – к труду, к правоте кетменя.
Народ мой влекут вековые стези,
Они в моем сердце, в душе у меня.

Вот эта дорога сюда привела,
А та так далеко отсюда ушла.
Когда-то я выбрал свой путь... Где же он?
Довольно блуждать, пусть рассеется мгла!

Так много распутий еще впереди.
Прямее держись, без оглядки иди!
Но будь осторожен...

Не смерть ли сама
Стоит на дороге? Туда погляди!

Плутаешь – осудят ошибку твою.
– Аллах помоги, укажи колею!
...Не знаю, как ты, а уж я на пути,
Что тянется к вечности, твердо стою.

* * *

В Борабае я не был еще никогда,
Там деревья не сохнут, трава молода.
С юным месяцем в небе тебя я сравнил бы,
Вот его отраженье колеблет вода.

Ты – луна молодая, и вдруг – мы вдвоем!
Жарким душу мою опалило огнем.
Птиц не видно, приблизилась серая осень,
Но не вянет листва в Борабае твоём.

* * *

Уходит мое дитя во чреве красавицы той,
Из глаз моего отца ушел его день золотой.
Уходят силы мои, все меньше их для борьбы.
Уходят, а все одно не скажешь времени: «Стой!»

Уходят волна за волной казахи – за рядом ряд.
Уж так обижают их и знают ведь, что творят
Те, что в моей степи из рая делают ад.

Когда умираешь ты, песок остается в глазах.
Сейчас тот обычай забыт, что издревле знал казах.

Терпенье уходит мое, сдерживаюсь едва,
Кончаются силы и всех увещеваний слова,
Уже иссякает восторг перед земной красотой,
Вот уж уходит пора веселья и удалства.

Должно быть, Вселенная вся уходит в любом старике,
И тяжкий остался навет, а лучшие дни вдалеке.
Вот так и уходит жизнь, тая изо дня в день,
И друг уходит святой, бесценный мой Кадеке¹.

Подумай: настанет день, уйдут и все от тебя,
Виденья твои уйдут во всей красе от тебя.
Кто любит народ родной, тот грусть мою и поймет.
Израненная душа, изныла она, скорбя!

* * *

Был ребенком я здесь, и сегодня взглянул,
Вспоминая былое, на этот аул.
Был тогда простодушен, мечтателен я,
Стал мне внятн в те дни стихотворчества гул.

Столько весен стремглав пронеслось надо мной,
Осеня изгибы дороги земной.
Те, кому я был мил в те далекие дни,
Все уже за холмом, под кошмой травяной.

Всю печаль этих гор я сегодня вдохнул.
От столетней тоски удручен и сутул,
Я в раздвоенных улиц вхожу тесноту,
Я к тебе возвратился, родимый аул.

Что мне осень навеет шуршаньем листвы,
Что в стихах моих горьких расслышите вы?
Нет, не ждут меня больше в ауле моем,
Ждушем все же чего-то от дальней молвы.

В чаще той, где мы в детстве играли, печаль.
Мать ли встретит меня и обнимет? Едва ль...

¹ Кадеке – известный казахский поэт Кадыр Мырза-Али.

На меня загляделась гурьба детворы.
Или детям безвестного странника жаль?

Знает разве Аллах что в дальнейшем пути
Повстречается мне, что случится найти.
От тебя отдаляюсь, родной мой аул!
Прослезившись, вздохнул и глаза отвернул.

* * *

Поминание друга – бессильно оно,
Ибо рядом с тобою он был так давно...
Шиликты, Шуршитсу, горный Сарымтумсык
Кличут сына, дозваться же не суждено.

Словно раненый селезень, что изнемог,
Наземь я проливаю всю кровь этих строк.
Вот – Алтай и Зайсан !
Вереница картин –
Написал их Кастеев ? Иль это Ван-Гог?

Жизни знал суету я с младенческих дней,
Но на гору взошел, стал с годами мудрей.
Не художник – я все ж Абылхану сродни.
Твой Зайсан опишу я в поэме своей.

Шитобе, Сарманак или Кабыргатал –
Ах, не я, лишь Нурлаш все их тайны познал.
Словно язь или окунь, здесь жизнь пронеслась,
Чуть блеснув над водой возле сказочных скал.

Детских игр Акарал, и Дайыр, и Жамбыл,
А потом Балыкбай, где подростком он был,
Кендерлик, Батпаксу, и Жарсу, и Таки –
Как акына стихи, их безудержный пыл.
Это Жинишкесу,
Ты скатилось звездой в средоточие мглы!
Эти Кызылкудык или Кемпирбулак,
Бакасу и Жарсу, Отеу, Обалы...

Взял я книгу твою – скорбь прожгла до кости,
Знаю: друга такого уж мне не найти.
Вечно Жумсак-арал с Жалгыз-талом в степях
Ишут сына, печалюсь... Он сгинул в пути.

Здесь бы чтение Корана рассеяло мрак.
Но кого еще в мире полюбим вот так!

Манырак, Акшабай, славный Тарбагатай,
Твой Сайкан-Сауыр, дивный Айнабулак.

Тополь сизолистный, и клен, и арча,
Въелись в камень их корни...
Вбегают, журча,
В зыбь Зайсана Аксу, Жеменей, Уйдене,
Тайн своих никому не раскрыв сгоряча.

Там черемуха, таволга, пышный ушкат²
И боярышник станут легендой, мой брат.
Как и те, что ушли караванами в ночь,
Мы однажды исчезнем, и близок закат.

Колокольчикам птичья подобна молва,
И пленительна вечной весны синева.
Белый аист, и желтая цапля, и гусь,
Всюду дрофы, и утки, и тетерева.

Так устроено в мире, предписано нам.
Не рыдай же, о небо! Хорош этот гам...
Вот корсак, торопясь, убегает в нору,
Испугавшись того, кто идет по холмам.

В Сауыре, в Сайкане власть жизни крепка,
Манырака текут надо мной облака.
Облепихи, брусники, смородины дух...
Корень там золотой, ровный плеск тростника.

Шелестящие листья – в беседе со мной,
Всех в дороге поддержит их шелест родной.
В Алатау навеки остался акын,
Белый гусь по весне не вернулся домой.

Много в жизни извивов, но ценится честь,
На майдане искусства умельцев не счесть!
Вечный другом стал этот Нурлан для меня,
Младший брат Улыгбека – так было и есть.

Сколько раз выплывали мы в бурной реке!
Осень встретилась с летом... И вся – вдалеке.
У Зайсана я девушке клялся в любви,
Не она ли меня вспоминает в тоске?

Небо в тучах, в тумане – Алтай и Сауыр,
И на камне – две капли, и в сердце – сумбур.

² Ушкат – жимолость

Жизнь умчится куда-то пугливым конем,
И над всем пережитым застынешь, понур.

Кереитов, найманов здесь братство живет,
И ребенком играл он у этих высот.
Айбалта, с детства памятный Баскы-Караш,
Холм, где праздновал смену кочевий народ.

На такой-то земле наш акын был рожден,
Жив он в наших сердцах, не забудется он.
Невозможно вместить все предание в стих...
– Ночь, оставь, не воруй мой томительный сон!

Тот Нурлан близок мне, как и в юные дни.
– О, жестокое время, мне друга верни!
Пусть красавица с плачем читает стихи –
Так, склоняясь над посланьем, рыдала Хусни.

В стороне от шумливых державшийся стай,
Презирал он беспутство, гульбу через край,
Но достойных и честных умел он почитать...
Был акыном, похожим на вечный Алтай.

Был подобен Алтаю, где вещая тишь,
Был, как сокол, крылом осенивший Ертыс,
Вместе только пять лет мы ходили с тобой,
Был ты другом – с тобой никого не сравнишь.

Перевод Михаила Синельникова

Касымхан Бегманов родился 4 августа 1958 г. в городе Кентау Южно-Казахстанской области. Окончил Казахский политехнический институт имени К. Сатпаева. Автор восьми книг стихов. Книги К. Бегманова выходили на киргизском, татарском, монгольском, русском, узбекском языках, а также на английском в антологии «Word poetry 2017». Среди его историко-этнографических трудов – двухтомник «Мұстафа Шоқай жолымен», четырехтомник «Традиции: вчера, сегодня, завтра» (2017). Документальный фильм К. Бегманова «Мұстафа Шоқай жолымен» и его стихи включены в учебную программу школ РК.

Заслуженный деятель РК, кавалер ордена «Кұрмет». Лауреат премии Союза молодежи Казахстана, международной литературной премии «Алаш» и ряда республиканских и международных конкурсов. Главный редактор республиканского национально-этнографического журнала «Дәстүр», президент издательства «Дәстүр», член Международного Сообщества писателей и публицистов, постоянный член, доктор наук Академии Мирового искусства и культуры при ЮНЕСКО. Почетный гражданин городов Туркестан и Кентау.

